

СЕКЦИЯ 5. ГІСТОРЫЯ МОЎ І ГІСТОРЫЯ МОВАЗНАЎСТВА

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Д. С. Воробьева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vorobyova1810@gmail.com*

Выявляются особенности функционирования глагольных форм в текстах русской житийной литературы XIX в. в связи с изучением вопроса о формировании современного русского церковно-религиозного стиля. Описаны архаичные глагольные лексемы, показана их стилеобразующая роль. Выявлено общее и различное в стилистике грамматических средств проанализированных сочинений.

Ключевые слова: церковно-религиозный стиль; двуязычие; житийная литература; глагол; архаичные формы.

В настоящее время церковно-религиозный стиль признается многими исследователями отдельным функциональным стилем русского литературного языка. В большинстве работ, посвященных проблеме этого «возвращенного» (в силу экстралингвистических факторов) на рубеже XX–XXI вв. стиля, его важнейшим отличительным признаком называют особый вид двуязычия, которое основывается на сосуществовании церковнославянских и русских элементов (А. К. Гадомский, А. А. Волков, О. А. Прохвятилова, И. К. Матей). Причиной подобного сложного «симбиоза» является «основополагающая для религии идея двоемирия», вследствие которой «сакральный и обыденный языки делят между собой сферу земного и небесного» [1, с. 44].

Наиболее информативными для характеристики двуязычия как типологической особенности церковно-религиозного стиля нам представляются жанры повествовательной литературы, которые развились из средневекового жития (жизнеописание духовного лица, в том числе автобиография, сказание о подвигах и др.). Их «ключевым концептом» является святость [2, с. 157]. Концепт святости самым тесным образом связан с двоемирием как основным принципом религиозного мировоззрения.

В данной работе мы анализируем сочинения повествовательной духовной литературы первой половины XIX в. Обратим внимание на следующее: номинацию «житие» мы используем далее по отношению к этим сочинениям для

краткости. Перед нами отдельные жанровые разновидности текстов, характеризующиеся, однако, целым рядом общих композиционных и лингвостилистических черт.

Если лексические особенности церковно-религиозного стиля достаточно подробно описаны на материале современных житий (XX – начала XXI в.) в диссертационных исследованиях И. В. Грековой и Т. В. Ицкович, то его морфологические стилеобразующие средства нуждаются в более детальном исследовании. В литературных произведениях XIX в. архаичные формы были востребованы и активно использовались «как особо выразительные грамматические и стилистические единицы» [3, с. 90]. Кроме этого, именно в житиях XVIII–XIX вв., на наш взгляд, происходит зарождение современного церковно-религиозного стиля. Жития донационального периода (XI–XVII вв.) написаны на церковнославянском языке (стандартном или гибридном). На каком языке написаны выбранные для анализа жития XIX в.? На этот вопрос мы также попытаемся дать ответ в нашем докладе.

Предметом нашего исследования являются особенности формообразования и функционирования глагольных лексем в житийных текстах XIX в. Глагол – стилистически особо нагруженная часть речи. «Являясь темпоральной доминантой художественного текста, глагольные формы принимают самое деятельное участие в формировании временного континуума произведения» [4, с. 91]. А поскольку хронотоп несет в себе жанрообразующую функцию (по М. М. Бахтину), при помощи анализа глагольных форм мы попытаемся выявить характерные черты как церковно-религиозного стиля соответствующего периода в целом, так и житийных текстов в частности.

Для анализа нами были выбраны «Житие и страдания отца и монаха Авеля» (составлено предположительно им самим в первой трети XIX в.) и «Автобиография архимандрита Фотия» (написана в 1830–1833 гг.); эти тексты опубликованы в журнале «Русская старина» за 1875, 1894, 1895 гг.

Главным стилеобразующим элементом «Жития и страдания отца и монаха Авеля» являются архаичные формы глагола в прошедшем времени. При этом современные формы с суффиксом -л- явно преобладают в тексте (процентное соотношение их в выбранном для получения количественных данных «диагностическом фрагменте» (I и II части) – 60/40). Наиболее часто встречающиеся устаревшие глагольные формы – формы 3 л. ед. ч. аориста, что соответствует текстам повествовательной литературы Древней Руси: «С помощью аористных форм развивается (“ткется”) повествование в текстах, написанных на церковнославянском языке» [3, с. 91]. Как

правило, их употребление связано с выражением устойчивых агιοграфических топосов: уход святого в монастырь/пустынь, ниспосланные Всевышним искушения, борьба с антагонистом (бесом), страдания (*отыде въ пустыню, похвали о сем Бога, явися от того ему многія скорби и великія тяжести, попусти Господь Бог на него искусы, посла на него темных духов, облечь его в черное одеяніе*).

Встречаются нарушения грамматического согласования архаичных форм: например, форма аориста с основой имперфекта глагола *быти* в словосочетании *бѣша земледѣльцы*. Поскольку речь идет о родителях святого, правильным было бы употребление формы 3 лица дв. ч. – *бѣста*. Рассогласование форм наблюдается и в молитвенных обращениях к Богу: *согрѣшихомъ* (1 л.) *предѣ Тобой и нѣсть* (3 л.) *достойны нарекатися рабами Твоими*.

Глаголы речи, мысли и восприятия также чаще всего употребляются в формах аориста (реже имперфекта): *рече въ себѣ, о сем мало внимаша* (правильным было бы употребление формы *внимаше*, поскольку речь идет о святом, форма 3 л. ед. ч.), *отвѣщаваху къ нему и рекоша, и прочая таковая къ нему глаголаша, рече къ нему, отвѣща, видѣша, взываху весь народѣ*. Вероятнее всего, это связано с тем, что «оформление прошедшего времени по нормам церковнославянского языка – если речь идет о свободно употребляемых формах, обычно получали глаголы книжного происхождения» [3, с. 93].

Отмечен пример употребления в парной конструкции современной глагольной формы (перфект без связки) и аориста: *Он же паки к нему отвѣщалъ и глагола*. Примечательно употребление одного и того же глагола в разных формах (современной и архаичной): *И доложилъ о томъ генералу, который управляетъ весь сенат; той же доложи самому государю Павлу*. На наш взгляд, это обусловлено тем, что глагол *доклжить*, с одной стороны, воспринимается как книжный глагол речи, мысли и восприятия, а с другой – как элемент официально-делового стиля. Утверждение И. В. Грековой о том, что «в пределы церковно-религиозного стиля на современном этапе вторгаются черты стиля официально-делового» [2, с. 116], таким образом, можно дополнить фактами проявления этой тенденции уже в текстах XIX века.

Используется форма аориста и в устойчивых сочетаниях, повторяющихся на протяжении текста: *удивися вкупе же и ужасеся, сотвориша совѣтъ*. Формы аориста также могут употребляться, когда говорит или действует не сам святой, а другие персонажи по отношению к нему: *удари его трикратно по лицу, избери родѣ жизни какую другую, доложи самому государю Павлу вси погибоша враги отца Авеля*.

Глагол *быти* в качестве связки составного именного сказуемого чаще всего используется в форме аориста (*привезень бысть, бысть тако отправлень, радъ бысть ему до зѣла*), а в значении присутствия в современной форме (*и много у нихъ было разговора и спора, сіе ему видѣніе было въ тридешатое лѣто жизни его, и былъ онъ Авель там*). Можно предположить, что эта дифференциация служит указанием на стилистический регистр синтаксической конструкции.

Примеры употребления форм имперфекта немногочисленны и, как правило, связаны с описанием действий святого: *Отецъ же Авель стояша пред ним весь в благости. И пойдя он с сего года в южные страны... и хождаша тако странствуя девять годов*. Формы *стояша* и *хождаша* образованы неправильно (очевидно, под влиянием аористических форм 3 л. мн. ч.).

Единожды в тексте употреблена форма перфекта со связкой (в обращении к святому высших, божественных сил, от которых он получил «великий дар прорицания судеб будущего»): *буди ты новый Адамъ и древній отецъ Дадамей, и напиши яже видѣль еси: и скажи яже слышалъ еси*.

Встречаются в житии и архаичные формы причастий – также при описании действий святого: *Господь же видя раба своего таковую брань творяща; Отецъ же Авель пришедъ въ себя*.

Интересен пример употребления формы мн. ч. простого будущего времени глагола *дати*, принадлежавшего к особому типу спряжения (*предадятся смерти и тлѣнію*). Очевидно, она использована как компонент устойчивого сочетания.

Таким образом, преобладание современных форм с суффиксом *-л-* прошедшего времени, нарушение грамматического согласования аориста и имперфекта, соседство современных и устаревших форм в одном предложении свидетельствуют о том, что в проанализированном житии архаичные формы глагола являются не средством формирования временного континуума, а особым стилеобразующим элементом. В большинстве случаев их употребление связано с образом святого и традиционными житийными топосами. Также они активно используются в устойчивых выражениях и книжных синтаксических конструкциях.

Анализ «Автобиографии Юрьевского архимандрита Фотия» в контексте житийной литературы мы считаем оправданным, поскольку в этом произведении «эксплицирована ведущая цель жанра жития – показать образец поведения человека, способствующий достижению спасения» [1, с. 299]. Несмотря на преобладание современных форм прошедшего времени, текст насыщен устаревшими формами. Среди них частотны действительные причастия настоящего и (реже) прошедшего времени в полной и краткой фор-

мах (*когда тако лежай, сходяй от Него, поборая, служащи, храняй ее, воскресый, глаголай, ходяй и ничего не думая*) и деепричастия, образованные по непродуктивным в современном русском языке моделям (*стражда, боля и мучась*). Все эти формы так или иначе связаны с образом архимандрита или с образом благочестивой Анны.

Обнаружены примеры употребления форм причастий прошедшего времени, образованных от глаголов движения, в роли деепричастия: *Такъ Фотий ... възсѣдѣ на колесницу от нея присланную, поѣхалъ къ девицѣ*. Нередки архаичные деепричастия м. р. ед. ч. типа *помолився, изумився, устыдився, возвратився* (подобные формы к середине XVIII в. перестали активно использоваться в текстах).

Формы перфекта и аориста чаще всего используются в прямой речи архимандрита (*не отставил мя еси, уповахъ, пребылъ еси во злобе, погибѣ*). Прямая речь главного героя, его внутренние монологи (в которые нередко проникают голоса свыше) также характеризуются обилием устаревших форм повелительного наклонения (*буди воля Твоя, крѣпись, слыши, глаголи, виждѣ изъ всего, гряди и глаголи, не убойся, приими*). В молитвенных обращениях архимандрита к Богу реализуется архаичное спряжение глагола *въдѣть* (*въси, повѣмъ, въмѣ*).

Особого внимания заслуживают формы с огласовкой постфикса *-ся*, достаточно часто используемые в тексте (*не убоюся, крѣпись, такъ трудяся*), а также формы инфинитива с суффиксом *-ти* (*противу стати Богу, глаголати*) как средство создания высокого стиля.

Проследим за тем, как в тексте употребляется глагол *быть* в роли связочного компонента. В настоящем времени между подлежащим и сказуемым, которые выражены именными частями речи, его присутствие в соответствии с архаичной системой склонения обязательно (*дар свыше есть сходяй от Него, сердце ея есть чисто, что суть оныя, помыслы суть стрелы, живѣ есмь, азъ есмь рабъ, сіе есть истина, ты тамо еси*). В прошедшем времени в большинстве случаев употребляется современная форма (*былъ срѣтаемъ, отвезенъ былъ, былъ званъ въ домъ, служащи была*), но встречается и аорист (*бысть ему дщерь*). Подобная дифференциация уже была обнаружена нами в житии отца Авеля, однако в житии Фотия она основывается не на синтаксической функции глагола (связка или знаменательный глагол), а на морфологической категории времени. Можно провести параллель с функционированием в современном литературном языке книжных связок *есть* и *суть*, которые используются исключительно в настоящем времени.

Ещё одна характерная черта анализируемого текста — обилие глаголов, маркированных благодаря полногласным приставкам, как лексические

церковнославянизмы: *возгласиль, вопіяль, возмогалъ, вопросила, сокрывали, воскорбѣль, воззря, воззваль*.

Таким образом, архаичные глагольные формы в «Автобиографии...», помимо обеспечения когезии текста, выполняют функции выделения и противопоставления, так как именно они в первую очередь характеризуют речь и поступки архимандрита (эквивалент святого в житии), а также других праведных героев.

В проанализированных житийных текстах первой трети XIX в. глагольные формы выступают средством грамматической реализации принципа двоемирия. Разграничение мира сакрального и мира земного, праведности и греховности происходит благодаря тому, что при характеристике образа святого, при описании устойчивых жанровых мотивов и сюжетных элементов, в библейских цитатах и молитвенных обращениях используются главным образом архаичные формы прошедшего времени (аорист, имперфект, перфект), а также устаревшие формы причастий и деепричастий. Современные же формы прошедшего времени, как правило, создают пространственно-временной континуум земного мира и характеризуют героев, не связанных с миром горним. Основополагающий для жанра жития концепт святости, таким образом, находит яркое воплощение на уровне морфологии. Язык рассматриваемых житий характеризуется своеобразной «двуслойностью», однако его церковнославянская и русская составляющие не являются «непроницаемыми» друг для друга.

Библиографические ссылки

1. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом уровне и категориально-текстовых основаниях : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Уральский федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016.
2. Грекова И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2014.
3. Серегина Е. Е. Архаичные формы глагола у писателей XIX века // Русская речь. 2016. № 3. С. 90–95.
4. Зворыгина О. И. Форма прошедшего времени глагола как средство создания основного временного плана русской литературной сказки // Известия ВГПУ. 2009. № 5. С. 90–93.